

Б И Б Л И О Т Е К А

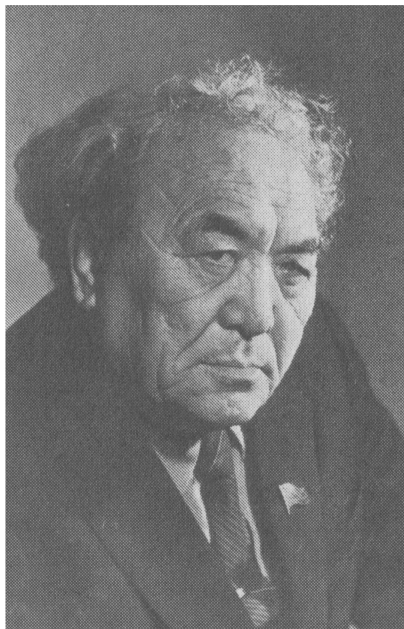
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 1

1990

Давид КУГУЛЬТИНОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

В ТЕНИ ДЕРЕВА БО

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 1

Издается с января 1925 года.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

В ТЕНИ ДЕРЕВА БО

СТИХИ

Перевод с калмыцкого

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Кугультинов Давид Никитич родился 13 марта 1922 года, в хотоне (селении) Абганер-Гаханкины, Западного улуса, Калмыцкой АССР, в семье сельского учителя. В 1940 году вышел в свет его первый сборник — «Стихи юности», и он был принят в члены Союза писателей СССР. Тогда же призван в ряды Красной Армии. Участник Великой Отечественной войны. Член КПСС с 1943 года.

В 1945 году был арестован и осужден злыми силами за стихи. В них поэт осуждал сталинское выселение с родных земель ряда народов СССР по расовым признакам, геноцид по отношению к ним.

Реабилитирован после XX съезда КПСС, в сентябре 1956 года.

В 1960 году экстерном сдал экзамены за курс Литинститута имени А. М. Горького.

После восстановления Калмыцкой АССР активно работал. Изданы Собрания сочинений на калмыцком и русском языках. Произведения поэта переведены на ряд языков народов СССР и мира.

Давид Кугультинов — народный поэт Калмыцкой АССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Когда, как вестник торжества и славы,
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал счастье.

Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег дотла,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

* * *

Когда творить добро желаешь ты
Отдельным людям иль всему народу,
Не отступайся от своей мечты,
Не делай ничего себе в угоду.
Крепи свое желанье и следи,
Чтобы огонь пылал в твоей груди.

И чтоб священный пламень не погас,
Чтоб мог еще сильнее разгореться,
Живые клетки отрывай от сердца
И, кровью истекая, всякий раз
Бросай тотчас в огонь рукой своей,
Все претерпи и боль преодолей.

И сердце, убывая с каждым днем,
Истает... Но последняя частица,
Как вся душа твоя, воспламенится

И осияет мир твоим огнем.
И свет, зажженный именем твоим,
Останется в веках неугасим.

* * *

Мать — Родина!

Как матери пристало,
Средь всех твоих любимых сыновей
Найди несчастного. И обогрей
Того, кого судьба не баловала.

Прости бедняге грех его невольный,
Будь с ним по-матерински сердобольной,
В душе его надежды оживи...
Да расцветет в ней вновь цветок любви!

* * *

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..

Скажу заранее:
Мне не приходится мечтать
Об исполнение всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

* * *

О Пушкин!.. Над его строкою
Задумавшись в который раз,

Вдруг открываешь в ней такое,
Что прежде пряталось от глаз.

И в просветленье, в озаренье,
Как под магическим стеклом,
Вдруг осознаешь измененья
В своем уме, в себе самом.

Полет души, движенье крови,
Что раньше были не видны,
Глазами Пушкина уловишь,
Поймешь до самой глубины.

И богом став — представишь зримо,
Что было скрыто от людей:
Как близится неотвратимо
Он, Пушкин, к гибели своей.

И горе страшное предвидя,
Как в настоящем — там, в былом —
Замечешься в глухой обиде —
Беспомощный в борьбе со злом.

Ты перетерпишь все страданья,
Как тот, кому однажды в ночь
Открылся клад всепониманья,
Которым людям не помочь.

Ты будешь мучиться жестоко,
Как некий злополучный бог,
Тот, кто свою зеницу ока,
Все зная, уберечь не мог.

СЛУХ БЕТХОВЕНА

Глухим зовут Бетховена глухие
За то, что будто он утратил слух,
Но, высшим слухом окрыленный дух,
В себя вбирая чувств людских стихии,
Добра и счастья расширял пределы,
Чтоб сердце человека молодело.

Когда ж душа бесчувственно глуха
К любви, к страданью, к музыке стиха
И пусто в ней, как в высохшем колодце, —

Скажи, не это ль глухотой зовется!..
Мы, люди, были бы с богами вровень,
Когда б владели слухом, как Бетховен.

ЛЕНИН

Он думал, что работал в меру сил,
Как все, на общей стройке многотрудной,
Как все, домой зарплату приносил
И получал паяк такой же скудный...
Себя не звал вождем народным он —
И стал вождем народов и времен.

Не в том ли смысл высокого пути,
Чтоб быть в любом поступке человеком,
Но всех других трудами превзойти,
Но разумом возвыситься над веком
И постигать, в чем связь веков живая,
Быть человеком не переставая.

* * *

Не странно ли, когда событий ход
Вновь подтверждает — путь наш неизменен
И неизменно к радости ведет, —
Ты часто ль вспоминаешь имя Ленин?
Оно как Родина и отчий дом, —
Мы в нем живем, не говоря о нем.

Когда ж беда нагрянет не стучась,
И правды свет в твоих глазах затмится,
И трудно днем и по ночам не спится, —
Как не хватает Ленина сейчас! —
Твердишь, тоскуя... Так, в краю чужом,
Изгнанник, вспоминал я отчий дом.

* * *

Памяти Анны Андреевны Ахматовой

Я знаю: вечного не свете нет,
Тому свидетель опыт прошлых лет...
И все же видеть мертвые черты

Прекрасного так больно, так тоскливо!
Так страшно

Возле гроба красоты
Вновь убеждаться, что уродство живо.

Я знаю, что уродство в свой черед
Умрет, исчезнет, навсегда уйдет.
Но красоту, что музыкой дыша,
Нас ввысь влекла

и вот смежила веки,
Ту красоту не воскресить вовеки!..
И плачет безутешная душа...

* * *

Кайсыну Кулиеву

Приснились джунгли нынче мне во сне,
Кругом визжала обезьянья стая..
Раздобрься, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхи, при случае, петляя..
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне,
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу..
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

* * *

С. Я. Маршаку

Никто не помнит
Своего рожденья.
Никто не вспомнит
Свой последний час.
Два рубежа,

две грани,

два мгновенья

Неведомы ни одному из нас.
И все пространство, весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами теми,
Все, что философ именует «время»,
Что жизнью называет человек, —
Ничем не пресекается оно.
Оно в сознание наше — бесконечно.
И человеку смертному дано
Жить на земле, не зная смерти, вечно.
Другому жизнь дарит он в свой черед.
Другого, плача, одевает в саван...
Сам человек не умирает... Сам он
Только живет.

* * *

Земля и небо обнялись,
Кружась в пространстве бесконечном.
Вникая дружно в даль и близь,
Мгновенья различая в вечном,
За все бесчисленные дни
Чего не видели они?!

Но изо всех чудес — одно
В их памяти закреплено:
Когда раздался из пучины,
Из глуби, из первопричины
Стихий бездушных четырех
Возникшей Жизни первый вздох.

* * *

И я постиг, что музыка безмолвно,
Еще не порывая с тишиной,
Сияющие скапливает волны,
Послушная любви — любви одной!

Что живопись, ни линии, ни цвета
Не потеряв за долгие века, —
Живым дыханием любви согрета,
И вечности лишь потому близка.

И что поэзия, чуждаясь шума,
Став электричеством у нас в крови,
Вдруг воплощается в слова и думы,
Послушная велениям любви...

Все эти тайны, все познания эти
О появлении искусств земных —
Все это лишь теперь, при ясном свете,
При вашем ясном свете я постиг.

Все это мне лишь подле вас открылось,
Когда, преображая все вокруг,
Сама любовь дарует мне, как милость,
Светящееся слово, цвет и звук.

* * *

Когда в прекрасных ласковых глазах
Я встретил луч желанный пониманья
Чужой судьбы и чувство состраданья
К обиженным, кто принужден впотьмах
Блуждать вдали от солнечного света,
Когда я осознал, что обогреты
Лучами милосердных ваших глаз
Все те, кто так нуждается в тепле,

Меж тем как вы идете по земле,
Как бы прося прощения, стыдясь,
Что шумным праздникам любви и дружбы
Не радуетесь так, как было б нужно,
Поскольку вы душой — в чужой беде, —

Тогда-то стало мне понятно — где,
В каких истоках нежности и ласки
Художник гениальный черпал краски,
Когда решился ангела писать
И стал в искусстве божеству под стать.

И я благословляю этот миг,
Когда ваш добрый взор в меня проник
И озарил сознания глубину.
И радуясь удаче, неудаче,
Я прозреваю. И судьбе незрячей
Прощаю неразумную вину.

* * *

Проходят мимо — парами, толпой —
Ничем, ничем не схожие с тобой:
Ни голосом, ни поступью, ни взглядом...
О сколько женщин — в отдаленье, рядом —

Совсем других, чем ты... Что мне до них?!
Но если я представлю хоть на миг,
Что каждая из проходящих мимо
Кому-то на земле необходима,

Как ты — моей душе... И что, любя,
О них тоскуют и светло и больно, —
То в этот миг покажется невольно,
Что все они похожи на тебя!

* * *

«Люблю его!» — она сказала вслух,
И в ужасе собрание онемело.
«Он враг народа!» — буркнул бывший друг
И тотчас взгляд потупил оробело.
Так прост и дерзок был ее ответ:
«И все-таки его честнее — нет!»

И трудно было сердцу и уму.
Давалась ей, как Галилею, смелость.
Она любила вопреки всему,
Как вопреки всему Земля вертелась...
Я был на днях у пожилой четы —
Как старые большевики чисты.

* * *

Чтоб в небесную синь по весне
Стебельком он стремился зеленым,
Я поставил цветок на окне,
Я наполнил горшок черноземом...

Но совсем не в назначенный срок,
Средь зимы — почему неизвестно —
Он расцвел, мой весенний цветок,
Воссияв белизной, как невеста.

То ль щедра оказалась земля,
То ли так ему жить захотелось,
Но расцвел он... Стоит он, моля
О прощенье за раннюю зрелость.

Он как будто робеет, лучу
Подставляя свою светозарность...
И волнуясь ему я шепчу,
Бормочу я цветку благодарность:

— Не смущайся! Отважней живи!
Средь зимы посылай мне отраду!
Верь, дружок, красоте, как любви,
Никаких оправданий не надо!

* * *

Скончался мой друг. Но лишь тело
Исчезло, как рябь на воде,
Лишь куртка его опустела,
Обвиснув на ржавом гвозде.
Лишь речи затихли, хоть мало
Тревожили воздух они.
Земля же просторнее стала
Всего только на две ступни.
Но как велико его место
Во мне! Это знаю лишь я.
Как сердцу безвыходно, тесно,
Как сдавлена память моя!

* * *

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

* * *

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнея, травами покрылась,
Она жива! По-прежнему жива!

А травы слиты с яркой синевой,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью.
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.

И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду.
Была бы только степь моя жива.

Была бы только степь моя жива!..

1956 г.

* * *

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик — жаворонка трели!..
Ты — музыка, чи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму!
Что человек я, и душе все чаще
Доступна радость красоты щемящей...
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедра!.. Как хороша!..

В ТЕНИ ДЕРЕВА БО

В Индии, где древо бо, как чудо,
На бхопальской расцвело земле,
Где впервые предавался Будда
Размышленьям о добре и зле,
О междоусобном их боренье,
Вековечном, как само творенье,

Стал я в тень — у полога густого, —
Где в ладонь казались толщиной
Листья дерева того святого,
Что возшло до неба надо мной,

И как будто уподобясь Будде,
Я решил тогда поразмышлять:
Что есть пища, одеянье, люди,
Что есть брат, любимая и мать?

Вдруг в душе возникло ощущение,
Будто древо бо, его листва —
Лишь двойник иного существа,
Молодого Будды воплощение,
Вот я втянут в некое вращенье,
Вот я самому себе дивлюсь:
Я былиночкою становлюсь!

И, природы царь высокомерный,
Чудным дуновением влеком,
Вдруг освободился я от скверны,
В новой плоти я порвал со злом.

Так почувствовал я озаренье, —
Прежней тяжести телесной нет,
Словно духа вольного паренье
Даровал мне милосердный свет.

Жизнь мудрей, чем самопогружение,
И такую мощь в себе таит,
Что в своем загадочном движении
Все живое заново творит.

* * *

«Преступник тот, кто развязал войну» —
Слова, нам всем известные глубоко,
А ведь они звучали в старину
В устах древнейшего царя Ашока.

Мне прочитать на днях их довелось
В его дворце роскошном — на фронтоне.
И вздрогнул я... Да кто ж сюда занес
Речь, прозвучавшую вчера в ООНе?

О древний царь!.. Ты мне давно знаком!..
Постойте, современники!.. Ответьте,
Как это вышло?! И в году каком
Мы все живем?

В каком тысячелетье?!

* * *

Под пальмою индийским душным днем
(Я вспоминаю трепетно и жадно)
Из одного ореха мы вдвоем
Сквозь две соломки тянем сок прохладный.

Я глаз не отвожу от ваших глаз,
И воля с волею в одно слилась.

И кажется, в блаженный этот миг —
Мы утоляем в медленном глотанье
Не жажду тела — жажду душ своих,
Достигших здесь желанного слиянья.

* * *

Ласкающие волны океана,
Поглаживая, обнимают нас:
Тебя, что из грядущего неожиданно
Ко мне, в Сегодня прорвалась, смеясь.

Меня, кто, Настоящее минуя,
Из Прошлого рванулся к счастью вдруг, —
Вот в эту ночь — индийскую, парную...
Нас двое здесь... И — никого вокруг.

Луны голубоватой переливы
Я в сердце благодарном берегу,
И два пустые стула, сиротливо
Нас ожидавшие на берегу...

Ночь, океан и неба бесконечность —
Все то, что созидало в этот миг
Желанную сияющую вечность,
Высокий жизни свет
из нас двоих.

Травандрум, 1986 г.

ЧИТАЯ ГАНДИ

На Родине, где угнетенья нет,
Где не терзают совести укоры,
Где голод побежден на много лет,
Где у тебя есть посох для опоры, —
В движенъе вечно доживать свой век,
Благословляя это состоянье, —
Чего еще ты хочешь, человек?
Какие могут быть еще желанья?
А коль еще желания томят —
Остерегайся! Ненасытность — яд.

* * *

Потоки славословий шумных,
Известности густой туман
Порой морочат и разумных
И вводят их сердца в обман.
Глубоко проникая в поры,
Они лишают нас опоры.

Так, значит, верно говорят,
Что будто слава — это яд?
А если гений знаменит —
И он не избежит отравы?
О нет, неправда! Ядовит
Лишь чад и грохот ложной славы.

* * *

Заслуженное слово — «Я»
Охаивать не будем зря.
Без слова этого, поверьте,
И славных не было б на свете.
Его не сбросишь со счетов...
Но нужно знать порядок слов.

Звучало слово «Я» давно
В устах героев древних, но...
Да будет ведомо потомку,
Что только после слова «Мы»
Произносили «Я» негромко
Все настоящие умы.

* * *

Когда откроется случайно
В одной душе какой-нибудь
Изъян, годами бывший тайной,
Которым можно попрекнуть,—

Как согрешившего порочат,
Как судят, как пинают зло,
Как будто у других, у прочих
Душа прозрачна, как стекло!..

Как будто ими обнаружен
Не чей-то там чужой грешок,
А лучшую из их жемчужин
Хитрец у них похитить смог!

Священной правотой пылая
(«Уж мы-то, мы не таковы!»),
Готовы судьи всею стаей
Лишить беднягу головы!

И если бы, как некто в храме,
Он обратился к их сердцам:
«Пускай в меня, мол, бросит камень
Тот, кто греха не знает сам!» —

То камни полетели б градом
Из всех домов, со всех сторон,
И под свистящим камнепадом
Несчастный был бы погребен.

* * *

Дружище, послушай меня,
Поэта, жившего под стражею:
Живи, других не бремени, —
Не становись ни чьей поклажею.

Весь опыт жизни говорит:
Порой и вьючное животное
Поклажу сбросить норовит,
Целя движение вольготное.

В себе лишь силы находи!
Бог в помощь путнику усердному! —
Надеясь на себя, иди
По времени немилосердному.

* * *

Не сердись на правдивое слово,
Если даже тебя и обидит оно.
Сердиться на правду — все равно
Что гневаться на корову.

Только правда сладкого не дает молока.
Правда — едка.
Правда — горька.
От горечи правды —
В горле ком.
Но разум питается ее молоком.

Сердясь на правду,
Лишь себя растревожишь,
А правду этим не уничтожишь.
Правда всегда права.

Если ж ты признаешь ее права
И вступишь
С ней вместе
С кривдою в бой,—
Ты будешь жить нелегкой судьбой,
Но пребудешь самым собой.

* * *

Мертвец весь день трудится над докладом.
А. Блок

Как тяжело, как больно видеть мне,
Как до сих пор в житейской толкотне
Мертвец между живыми суетится.
И на лице застывшем мертвеца
В опустошенной тлением глазнице
Нет-нет да и проглянет хитреца.

Во все дела, в любой земной вопрос
Мертвец сует свой заостренный нос
И говорит решающее слово,
Куда непререкаемой живого.

На всех людей мертвец наводит страх,
Он цепенит их леденящим взглядом
И, силу жизни славя на словах,
На деле трупным отравляет ядом.

А если кто, почуяв запах тленья,
Вдруг вскрикнет: «Стои!.. Ведь ты в могиле сгнил!» —
Мертвец покажет удостоверение
В том, что он жив... И полон свежих сил!

И быстро ткнет костяшкой перста
По направлению к могильной яме:
Мол, поглядите!.. Убедитесь сами:
Меня там нет!.. Могила-то пуста!

Чтоб козни трупа начисто пресечь,
Нужны еще изрядные усилия...
...Вот если бы нас всех объединили
Живые мысли и живая речь!

ЧИНГИС

Перешагнув жестокости предел,
Решил Чингис украсить общий жребий:
Он улыбаться подданным велел
Весь день, пока сияет солнце в небе.
А кто дерзнет на жалобы и плач —
Тому отрубит голову палач.

И улыбался весь чингисов край,
И деспот убеждал молву мирскую,
Что создал в ханстве образцовый рай.
А люди ждали сумерек, тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
И в одиночку выплакаться всласть.

ОТ ПРАВДЫ Я НЕ ОТРЕКАЛСЯ

За то, что я посмел в крутое время
Судить в стихах жестокий произвол,—
Ни денег я не получил, ни премий,
Широкой славы я не приобрел...
Да это, может статься, и не надо.
Иною — высшей — счастлив я наградой.

В то время
                                гнев несправедливый, дикий
Нас подавил...

                                И свет для нас потух.
И даже слово самое — «калмыки»
Произносить боялись люди вслух.

Тогда, слезами рифмы закрепляя,
Я для друзей писал, я утешал
Тех, кто был изгнан из родного края...
Я говорил им: прекратится шквал,
Исчезнет все, что наши души гложет,—
Померкнуть солнце Ленина не может!

Давал я клятву фактам вопреки:
Не то, что дети, даже старики —

И видел я, как молодеют лица,
Как просветленная слеза катится
По бронзовой, обветренной скуле...
Добрели люди, о добре слыша,
И это было мне наградой высшей.

Из-за стихов, по их живому следу,
Ко мне ворвался ветер ледяной,
И праздник мой,
                        желанную Победу
Я встретил за тюремною стеной.

Не замечал я,
                    что крошатся зубы,
Что штукатурка сыплется...

Из-за стихов
                цветок полураскрытый,
Недолгой юности моей рассвет
Отравлен клеветою ядовитой...

Близ океана,
в стуже ледовитой
Провел я десять бесконечных лет
За проволокой частой и колючей,
Похожей на тенета паука,
Где холодно и жадно —
по-паучьи —
Высасывала сердце мне тоска,
Где только в снах цветных скользило мимо
То, что когда-то наполняло стих:
И образ нецелованной любимой,
И степь моя —
в тюльпанах золотых...

В те злые годы леденящей стужи
Что не бывало?..
Страхом сражена,
Иная — даже верная жена —
Писала отречение от мужа.
И, выбраться стремясь из липкой сети
(Ведь надо ж как-то жить в конце концов!),
Иные — даже любящие — дети,
Рыдая, отрекались от отцов.

А те, кого считали хабрецами,
Друзей и правду предали, дрожа...
Бесценной шкурой, что ли, дорожа,
Хоть голубыми не были песцами!..

Но как бы круг порочный ни смыкался,
Как ночь над нами ни была глуха,—
От правды я своей не отрекался,
Не отступал от своего стиха!..

Не потерял я совести от страха,
Не позабыл природный свой язык,
Под именем бурята иль казаха
Не прятался...
Я был и есть калмык!

Ни под каким нажимом и допросом
Не осквернил души своей доносом!
И эта непричастность к силе зла
Наградой высшей для меня была.

УСТРАШЕНИЕ

Июнь в Норильске — ранняя весна.
Без сна, не разделяя дня и ночи,
Большое солнце тянется к зениту,
И ласкового света водопад
До зыбких луж низводит горы снега
Всего за сутки.
Словно торопясь,
Земля меняет лик.
Восходят травы.
И в тяге изумрудного ростка
Сведенные в неволю горемыки
Свободу узнают.
Весна вдыхает
В угасшие сердца огонь надежды.
И, повинясь пламени живому,
В такие дни отчаянные души
Идут в бега.
Острее смотрит «вохра».
Дабы унять весеннее безумье,
Охрана воспитательные действия
Организует из живых картин
По поговорке:
«Лучше раз увидеть...»
Одно из них —
Всегда перед глазами.
...Ледок сковал проталины.
На зоне
На водруженных рядом, на попá,
Вонючих бочках от гнилой селедки,
На две доски замызганные брошен
Очищенный от внутренностей труп.
Вернее, торс без головы и ног
Уложен навзничь,
Словно на колоду —
Обрубок туши.
На груди обрубка
Талантливо исполненный рисунок,
Наколка синим: стяг, а посреди —
Вождь благодушный
С трубкою во рту
Прищурился, обласканный народом.
По краю пропись от плеча до локтя

Струится:
«Не забуду мать родную!»
Через плечо свисает пояснение:
Какой-то бедолага из КБ
На ватмане,
На белоснежной ленте
Багровой тушью
Начертал «КОРОВА».
А рядышком — хозяева «припаса»,
Прозябшие,
Без шапок,
Без рубах,
Вдвоем на грязной наледи,
Босые,
Стоят тихонько, глядя отрешенно,
И ватные без пуговиц штаны
Поддерживают, чтобы не упали.
У каждого на шее, на веревке
Плакат-фанерка с твердым назиданьем:
«Не бегай!»
Мы пытались.
Бесполезно».
Охранник. озорной румяный парень.
Томясь, как все,
От скуки, для потехи
Затеял их покалывать штыком
И лыбится: «Не простудитесь, детки».
Заботится: «Не простудитесь, детки».
Покалывает и незло хохочет.
И улыбаясь, оба людоеда
На черном оплывающем снегу,
Покорные приказу, неуклюже,
Ступни приподымая по-медвежьи,
Качаются под гогот конвоира,
Смущенные...
У проводимых мимо,
Когда ведут в колонне по четыре,
И конвоир орет:
«Глядеть налево!»,
Болят глаза от этого урока...

Однажды, в сорок третьем,
Под Полтавой
Над ротами измотанной пехоты,
Бредущей по дороге в адский август,

Звучал приказ: «Равнение налево!»
Тогда враги, готовя отступление,
Согнали и забили в двух сараях
Семьсот безвинных —
Раненых и пленных —
И заживо сожгли в тяжелых срубках...
Мы шли, держа равнение налево.
Над пепелищем запах разложения
Витал.
И гнев
Крепил слова приказа...

А вот теперь — Норильск.
Весна. И зона.
Идут зека в колонне по четыре.
«Глядеть налево!» — лают конвоиры.
И от свирепой музыки команд
Заходятся взбешенные овчарки!
И рвутся с поводков, испепелив
Двух грешников кровавыми зрачками.
Бывает, из колонны кто-то молча
Кивнет легонько, глядя на страдальцев,
А кто не с краю, одобряя, крикнет:
«Ну четвертак — ведь больше не дадут!»
И сразу лай собак и конвоиров
И клацанье затворов...
Дождь-крупя
Осыпал «режиссеров» и «подмостки»
И сеется из мутного пространства.
Невольники в колонне по четыре
Ступают тихо. И витает шепот
Мечтательный,
Мол, кто-то с воли слышал:
Амнистия...
А это — слаще пайки.

СОН

(Отрывок из поэмы «Убийство в Барнаульской церкви»)

Увидел отчетливей, яснее:
Сталин высится на мавзолее,

Окружен соратниками, вождь
Мне являл величье, славу, мощь.

На него смотрю, не понимая:
Это праздник Октября иль Мая?

Кто соратники? Не разберусь.
А внизу, подьемля тяжкий груз,

Ленин возлежит, Ильич любимый.
Он под тяжестью невыносимой

Стонет, обхватив одной рукой
Камни Спасской башни, а другой —

Вечного Блаженного, и, строгий,
В Боровицкие ворота ноги

Упирает... День звенит, поет.
Сталин свой приветствует народ,

Руки вверх ладонями вздымая...
Из сибирского приехав края,

Рядом с ним, отцом родным, стою.
Я ему открою боль свою,

Расскажу ему о муках наших,
О злодеях, нас в Сибирь угнавших,

Сердце от тоски освобожу,
Обо всем вождю я доложу,

О напастях расскажу великих,
Об уничтожаемых калмыках.

Верю, что, известный всей стране,
Молотов окажет помощь мне,

Старичок, с своей бородкой клином,
Мне поможет дедушка Калинин,

Берия, что видит все насквозь,
Что другим и видеть не пришлось,

Скажет, удручен моим рассказом:
«Да, ты прав. Мы все исправим разом».

Литераторов сердечный друг,
Мне, поэту, улыбнется вдруг

Жданов, не сочтя меня невеждой!
Вижу всех и думаю с надеждой:

Истинные ленинцы они,
Все стоят за правду искони,

В гневе истребят они напасти,
Возвратят моим калмыкам счастье!

Мудрый вождь народов мне кивнул,
А потом на Берию взглянул.

«Холодно мне», — так ему сказал он,
А сказал, как будто приказал он.

Берия спросил меня: «Мой друг,
Слово Сталина вошло в твой слух?»

Тут его пенсне блеснуло странно,
Острый нож достал он из кармана,

Лезвием, как мастер-брадобрей,
Головы коснулся он моей,

И, не тратя времени впустую,
Кожу с головы моей живую

Тщательно и ловко он совлек, —
Так снимает женщина чулок, —

И надел на плечи корифея,
Улыбаясь и благоговей.

Вождь, моею кожей обогрет,
На Калинина, как сердцевед,

Посмотрел, участливое слово
Произнес: «Твоя жена здорова?»

К Молотову, весел и щербат,
Обратил он свой лукавый взгляд,

Я же, происшедшим пораженный,
Даже кожи собственной лишенный,

Так вздохнул, что мнилось: мавзолей
Дрогнул всей громадою своей.

Слыша, как скорбит душа больная,
Чуткий Ленин, мышцы напрягая,

Силился стряхнуть с себя людей,
Попиравших этот мавзолей,

Но его усилия были тщетны,—
Видно, час не наступил заветный.

А себе шептал я: «Погоди,
Правда и победа — впереди».

Вдруг от Сталина, от кучки грозной,
На меня нахлынул пар морозный,

И без кожи, голого, меня
Он обжег, как вспышкой огня...

ГЕНИЯМ ПРОШЛОГО

О гении минувшего!

Не мне
Тягаться с вами живописной силой!
Такое мне и в мысль не приходило.
Где мне до вас?!

Недавно в тишине
Я просмотрел труды свои, постиг
Масштаб, предел возможностей моих.

Да, несравнимо наше мастерство!..
Но здесь не место самоуниженью!
Пусть я — не гений...

Но чего-чего
Не навидался я на протяженье
Моих шестидесяти трудных лет!..

Ведь если это все извлечь на свет
И, следуя лишь истине единой,
Вновь оживить картину за картиной,
Насыщенную свыше всяких мер,—
То — не гневись, божественный Гомер! —
Сраженья Илиады, гибель Трои
Покажутся ребяческой игрою.

Когда я кобальт и другой металл
В промерзлом Заполярье добывал,
Когда, в Норильске, зекон, строя зданья,
На побережье океана дрог
И лишь ладонью заслониться мог
От ледовитого его дыханья,—
Тогда — о Достоевский! — ваш острог
Казался мне — в мертвящем том тумане —
Не самым страшным местом на земле:
Зимою все же были вы в тепле!

Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и атланту неподым,
И вот неробким голосом своим
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными созданиями светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но все ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен, и велик,—
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись мне,
Вы не видали даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостачу мастерства
Тщусь возместить, пока душа жива,
Переизбытками пережитого.

* * *

Жизнь! Сурово душу проверяя,
Как меня ни устрашала ты!
Обстреляла на переднем крае,
Опоила ядом клеветы...
Долго не сменяла гнев на милость,
Но, что человек я, убедилась...

Слово с честным Делом сочетал я,
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

СОДЕРЖАНИЕ

Счастье и горе. <i>Перевод С. Липкина</i>	3
«Когда творить добро желаешь ты...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	3
«Мать — Родина!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	4
«Везде, в любые времена...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	4
«О, Пушкин!.. Над его строкою...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	4
Слух Бетховена. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	5
Ленин. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	6
«Не странно ли, когда событий ход...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	6
«Я знаю: вечного на свете нет...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	6
«Приснились джунгли нынче мне во сне...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	7
«Никто не помнит...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	7
«Земля и небо обнялись...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	8
«И я постиг, что музыка безмолвно...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	8
«Когда в прекрасных, ласковых глазах...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	9
«Проходят мимо — парами, толпой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	10
«Люблю его!» — она сказала вслух...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	10
«Чтоб в небесную синь по весне...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	10
«Скончался мой друг...» <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	11
«Я помню прошлое...» <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	11
«Ушла зима...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	12
«Как ты прекрасна, степь моя, в апреле...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	12
В тени дерева бо. <i>Перевод С. Липкина</i>	13
«Преступник тот, кто развязал войну...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
«Под пальмою индийским душным днем...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
«Ласкающие волны океана...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
Читая Ганди. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	15
«Потоки славословий шумных...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	15
«Заслуженное слово «Я»...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	16
«Когда откроется случайно...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	16
«Дружище, выслушай меня...» <i>Перевод И. Лиснянской</i>	17
«Не сердись на правдивое слово...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	17
«Как тяжело, как больно видеть мне...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	18
Чингис. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	19

От правды я не отрекался. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	19
Устрашение. <i>Перевод В. Еременко</i>	23
Сон. <i>Перевод С. Липкина</i>	25
Гениям прошлого. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	28
«Жизнь! Сурово душу проверяя...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	30

КУГУЛЬТИНОВ Давид Никитич

В ТЕНИ ДЕРЕВА БО

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 11.10.89. Подписано к печати 21.12.89. А 00433 Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл.
кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,51. Тираж 150 000 экз. Зак. № 1365. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Знаете ли Вы, что
вклад можно пополнить не только
наличными деньгами,
но и путем перечисления своих
доходов**

Для этого Вам нужно подать в бухгалтерию предприятия, организации или колхоза заявление о перечислении сумм из Ваших денежных доходов на счет по вкладу.

Вы можете перечислить во вклад суммы из заработков, пенсии, единовременное вознаграждение за выслугу лет, страховые суммы, средства за проданную государству сельскохозяйственную продукцию, за предметы и вещи, реализованные через комиссионные магазины.

Правильно строить личный бюджет, целесообразно использовать доходы и экономить время

Вам поможет
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР!